

Юрий Михайлик

НОВЫЕ СТИХИ

1.

Похоже, что география – важнейшая из наук.
И те, что летят над нами, – на юг – курлычут – на юг...
Которое тысячелетие проплывает осенняя весть,
доказывая остающимся, что юг действительно есть.

На ледяных широтах гуси выводят птенцов,
и те, кто не сдохнут с голоду, не умрут в зубах у песцов,
не погибнут под северным ветром – и жёсток он и жёсток,
уронят юные крылья на нисходящий поток.

Я видел – над Карским морем, волнуясь и гогоча,
они взлетают с гнездовой Таймыра и Вайгача,
чтоб, пролетев полмира, клин за клином и следом в след,
грязнуть в озеро в том же месте, что и в прошлую тысячу лет.

Что ведет их над миром – тайна. Тайна ставит их на крыло.
тайна гонит их прочь от края, где так солнечно и тепло, –
через горы, через пустыни, над тайгой наизусть скользя,
чтоб они возвратились к скалам, на которых выжить нельзя.

2.

Похоже, что география – важнейшая из наук.
Овраг через весь город ползет к реке, как паук.
Николай Павлович Левушкин, последний урок продлив,
длинен, извилист и каверзен, как Баб-эль-Мандебский пролив.

Двоешники, второгодники, саратовская шпана,
у которой в Липках на танцах с суворовцами война,
«гот мит унс» трофейные финки, сорок третий размер из-под парт,
что ж мы тратим лучшее время на раскраску контурных карт?

Николай Павлович Левушкин ко всем одинаково строг:
географию на отлично знает только господь бог,
мне, наверное, на четверку известен этот предмет,
что касается вас, невежды, то таких и оценок нет...

И всплывет из омута времени череда прибалтненных лиц,
наизусть у доски барабанящих названия стран и столиц,
имена морей, горных цепей – недоступные нам миры
от помойки по дну оврага до подножья Желтой горы.

3.

Похоже, что география – важнейшая из наук,
поскольку в нее включается еще и наука разлук –
не думай, не знай, не помни, не оглядывайся назад,
а дрожь самолета на взлете – это губы твои дрожат.

Видимо, география – это наука наук,
описывай то, что видишь, – тут нет никаких заслуг.
И даже в эпоху открытий наивны ее дела –
как можно открыть Америку? – она там давно была.

А все, что ты покидаешь, обращается в небыль, в золу,
режущим встречным ветром уносимую вдаль, во мглу.
Пожоговое земледелие – ты сеешь то, что пожал.
Тебя не закат догоняет – тебя догоняет пожар.

Не думай, не знай, не помни, не гляди – отводи глаза,
пробивая собой треклятые тридесятые небеса.
После тебя останется пепельная полоса –
но не бойся, она исчезнет в ближайшие полчаса.

* * *

Длинный осенний прилив.
Волна перехлестывает волнолом,
Белой пенной чертой отделив
тех, кто в море, от тех, кому поделом.
В желтый песчаник – камень, когда-то бывший песком, –
только что бывший волной бьет приливный накат,
что еще нужно знать о любви, если он каждым броском
отзывает песок назад.
Чайки как брызги вспыхивают в дымчатой мгле,
над литоралью сгорая в йодистом воздухе – там, вдали...
Что ж еще нужно знать о любви? И я был уже всем на этой земле,
кроме самой земли.

* * *

Кукушка в кустах краснотала
в распале июньского дня
три жизни тебе насчитала,
пока ты любила меня.

Тем летом в разгибах излучин
в беспамятстве – как ни при чем –
обучен, изучен, измучен,
губам и рукам обречен

безмолвно – гипнозом, наркозом,
разгулом жары и дождя,
недвижным багряным стрекозам
в стеклянные очи глядя,

твою паутину хмельную
раскатывая по лицу –
цветочную и травяную,
текущую с пальцев пыльцу...

Но что б ни твердили кукушки
русалкам своим луговым,
из этой счастливой ловушки
никто не вернется живым.

Сидней